

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ЯЗЫКЕ ИНТЕРНЕТА КАК РЕЗУЛЬТАТ МИФОТВОРЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

При явной нейтрализации религиозной составляющей семантической структуры лексических и фразеологических единиц в языке Интернета (что не относится к специализированным ресурсам вероучительной направленности) наблюдается усиление его мифологической составляющей. М.Ю. Сидорова в монографии «Ин-тернет-лингвистика: русский язык» называет Интернет «мифогенной средой наше-го времени» (Сидорова М.Ю., 2006: 18), а А.В. Минаков указывает на родовые признаки мифа и его соответствия в пространстве глобальной сети: «...Интернет как нельзя более соответствует мифологическому мышлению маленького ребенка» (Минаков А.В., 1999). Согласно А.В. Минакову мышление пользователей Интерне-та имеет следующие особенности, которые характерны мифологическому воспри-ятию мира: словам и жестам придается сила магического воздействия на внешние предметы (в Интернете это и происходит); внешние предметы наделяются сознани-ем и волей (многие программные продукты и приложения производят впечатление таковых); явления окружающего мира считаются изготовленными людьми для своих целей (вся сеть изготовлена людьми для своих целей); объект представляется как некое целое, отдельные детали которого выступают из хаотичного фона в зави-симости от представляемого ими интереса (построенная на системе гипертекста структура Интернета соответствует такому объекту).

Такие же качества, как анонимность и виртуальность участников коммуни-кации в Интернете, снижают роль авторитетного слова: каждый может предстать в роли каждого. Значимость индивидуальной, авторской речи уменьшается по срав-нению с коллективной речью, которая получила возможность быть зафиксирован-ной и повторенной. Таким образом, новое наименование, зародившись как индиви-дуальное, как правило, получает свое развитие не в речи отдельных мастеров слова – писателей, публицистов, – а в рамках той или иной социальной группы, объеди-ненной общим информационным пространством (участники одного форума, посе-тители одного сайта, подписчики одного блога), и затем – в интернет-сообществе. Способность неологизма передать ценностно значимые, важные для массы участ-

ников коммуникации понятия, становится главным условием приобретения новой единицей общеупотребительности. Этот аспект подчеркивается в монографии А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко относительно фразеологизмов: «Возникающие в речи сочетания слов, значение которых может абстрагироваться от конкретной ситуации, способны фразеологизироваться и входить в систему языка. Употребление сверхсловных синтагм в различных контекстах с определенным целостным, абстрагированным от единичной ситуации значением – важнейший признак и условие их фразеологизации» (Мелерович А.М., Мокиенко В.М., 2008: 135).

Указанные свойства объясняют тенденцию развития мифологического мышления пользователей глобальной сети. В частности, эта тенденция проявляется в активном мифотворчестве, в символическом осмыслении интернет-среды. Так, символами цифровых технологий стали круглые числа двоичной системы исчисления: 128, 256, 512, 1024. Следствием подобного их осмысления стало не только широкое их использование в компьютерном фольклоре, но и вхождение их в язык в качестве компонентов сверхсловных языковых единиц. Одним из фразеологических неологизмов языка Интернета можно признать оборот *256 раз*: *Берешь 2 шаманских бубна, идешь темной ночью к одинокому дубу в нашем лесу. 256 раз оббегаешь дуб. 512 раз бьешь в бубны и 1024 раза кричишь винда мастдай* (форум Сарапульского политехнического института, февраль 2005).

Стремление к собственному, внутрисетевому, мифотворчеству становится причиной возникновения в языке Интернета неологизмов – имен собственных. Прототипами персонажей, обозначаемых этими единицами, могут быть реально существующие известные люди (Анатолий Вассерман, Чак Норрис, Артемий Лебедев и др) и герои произведений искусства (литературное чудовище Ктулху, изображенный на картине медведь и т.д.). Кроме того, миф может быть результатом коллективного творчества пользователей Интернета без опоры на внешний источник (капитан Очевидность). Наиболее известными символами в Интернете являются *Ктулху*, *Онотоле*, *Билл Гейтс*, *капитан Очевидность*, *медвед*. Все эти персонажи наделены типичными для мифа сверхъестественными способностями и поведением. Так, *Ктулху* – неведомое чудовище, гипнотизирующее и пожирающее все живое, *Билл Гейтс* – олицетворение зла и алчности, *медвед* – безобидное дружелюбное существо, обладающее свойством появляться там, где его присутствие не-

уместно (слово *медвед* также является прозвищем президента Медведева, но это значение здесь не рассматривается). Необычна роль *капитана Очевидность* (его называют также *кэп* или *КО*). Это персонаж, сообщающий всем известные сведения, прописные истины или объясняющий простую ситуацию. Он мыслится как сверхъестественный помощник тем, кому никто не хочет помогать по причине легкости затруднений или наивности вопросов. В то же время, в качестве *капитана Очевидность* может выступить любой человек, выполняющий указанные действия: *Ну собсно ничего нового. Капитан очевидность рассказывает о том что Российская наука и образование в одном месте. Для кого-то это оказывается новость* (студенческий форум, октябрь 2009); *как я и говорил... аффтор – капитан очевидность. Написал то, что пряморукие художники и так знают* (сайт о дизайне, ноябрь 2009).

Ярким примером мифотворческой тенденции в Интернете является образ Анатолия Вассермана, преобразованный в *Онотоле* – персонажа, наделенного признаками типичного мифического бога или героя. При его описании используются космические масштабы: *Когда Анатолию Вассерману становится скучно, он архивирует Вселенную* (развлекательный сайт, 2009); ему приписывается всезнание и фантастическое могущество: *говорят что Онотолей Вассерман не знает такого понятия как «Онотолей Вассерман не знает <...> Анатолий Вассерман способен делить на ноль...»* (lurkmore.ru, 2009). Главным же качеством этого персонажа является его представление в качестве борца с интеллектуально и эмоционально посредственными текстами (такие тексты, а также их авторы часто обозначаются аббревиатурой общенного происхождения *УГ*): *Онотоле не трожь! он воен добра и света* (автомобильный форум, декабрь 2009); *Гнев онотолей УГЭ настигает Гнев Онотоле попятит УГЭ* (развлекательный сайт, август 2009); *Воены УПЧК. Онотоле – наше всё!!!11 уг не пройде́т* (игровой форум, ноябрь 2009). Создание подобных персонажей свидетельствует о формировании в Интернете собственного мифического пространства, в котором такие базовые отвлеченные категории, как добро и зло, вред и польза и др. получают выражение в конкретных, часто персонифицированных образах.

Мифологическое мышление в Интернете проявляется в создании уникальных топонимов – наименований несуществующих мест обитания мифических пер-

сонажей, самым известным из которых является *Бобруйск*. Закрепившись вначале в рамках устойчивого оборота *в Бобруйск, животное* (насчитывающего несколько вариантов-эргативов, в разной степени приближающихся к наиболее радикальной форме *ф Бабруйск, животное*), слово *Бобруйск* приобретает статус самостоятельной единицы. *Бобруйск* представляется в Интернете как мифическое место с собственным населением, состоящим из людей и определенных животных, с собственной историей. О его связи с реальным городом напоминает только внутренняя форма. Для того, чтобы подчеркнуть отличие мифического города от реального, часто применяется различное графическое оформление: буква «о» заменяется на «а» (*Бабруйск*). Этот прием характерен для «олбанского языка», само название которого построено по тому же принципу для отличия от существующего национального албанского языка.

Существует несколько версий происхождения оборота, дополняющих друг друга. В качестве воспроизводимой единицы он впервые стал употребляться группой пользователей Живого Журнала, создавших в июле 2003 года сообщество *bobruisk* – виртуальное «гетто № 101 города Бобруйск» (впоследствии закрытое за оскорбление блоггеров), в которое «ссылались» авторы неинтересных блогов. Так возник фразеологизм со значением негативной оценки собеседника и его текстов. В любительских словариках «олбанского языка» этот оборот определяется как «восклицание, призванное донести до того, кому оно адресовано, всю его моральную, эстетическую и интеллектуальную несостоятельность».

Само же выражение «в Бобруйск» имеет более давнюю литературную и языковую историю, чем это кажется, из-за тесной связи с движением «падонков». Сообщество *bobruisk* обязано своим названием упоминанию этого города в рассказе Владимира Сорокина «Дорожное происшествие»: «Ведь ты же русский? Ты родился в России? Ты ходил в среднюю школу? Ты служил в армии? Ты учился в техникуме? Ты работал на заводе? Ты ездил в Бобруйск? Ездил в Бобруйск? В Бобруйск ездил? Ездил, а? Ты в Бобруйск ездил, а? Ездил? Чего молчишь? В Бобруйск ездил? А? Чего косишь? А? Заело, да? Ездил в Бобруйск?» (официальный сайт Владимира Сорокина).

Мотив «в Бобруйск» появляется еще раньше, в «Золотом теленке» И. Ильфа и Е. Петрова: «Очень плохой репутацией пользовались также далекие, погружен-

ные в пески восточные области. Их обвиняли в невежестве и незнакомстве с личностью лейтенанта Шмидта.

– Нашли дураков! – визгливо кричал Паниковский. – Вы мне дайте Средне-русскую возвышенность, тогда я подпишу конвенцию.

– Как! Всю возвышенность? – язвил Балаганов. – А не дать ли тебе еще Мелитополь или Бобруйск в придачу?

При слове «Бобруйск» собрание болезненно застонало. Все соглашались ехать в Бобруйск хоть сейчас. Бобруйск считался прекрасным, высококультурным местом».

Этот отрывок не является прямым источником оборота *в Бобруйск, животное*, но в сочетании с произведением В. Сорокина, а также с тем фактом, что в Российской Империи именно через Бобруйск проходила черта оседлости для евреев, он свидетельствует о том, что в русской концептосфере существовал топоним «Бобруйск», связанный с семами *«особый»*, *«не для всех»*, *«национальность»*, *«высылка»*. Возможно, именно эти компоненты значения стали предпосылкой для быстрой фразеологизации оборота *в Бобруйск, животное* и практически полного освоения единицы *Бобруйск*, которая все чаще используется уже вне исходного оборота: *Если кто-то приводит новичков, то на первую игру за них отвечает. Окажуцца дэбилами – пойдут в Бобруйск вместе с тем кто их привел* (игровой сайт, 2008).

Компонент *животное* часто подвергается замене: *начальник сказал, что зарплату мне будут выдавать только в этом славном городе: "Кречкова, в Бобруйск!"*. Именно после этой фразы я поняла, что премия мне не светит... (газета Московский комсомолец, май 2008); *умение обсасывать третий день к ряду пожар в Дягилеве – это точно от человека, животные вряд ли на это тратили свое драгоценное время ;-)* так что, *в Бобруйск человеки* (частный блог, февраль 2008).

Итак, часть лексики и фразеологии русского языка претерпевает в Интернете ряд трансформаций в области значения и коннотации. В языке Интернета происходит усиление мифотворческой тенденции. Особенностью мифологической картины мира в Интернете является ее игровой характер, персонажи мыслятся как маски, которые могут быть примерены любым пользователем Интернета. Тенденция к символическому осмыслению чисел находит выражение в создании неологизмов с

компонентами, восходящими к числительным. Интернет-пространство становится мифическим пространством, где неологизмы часто представляют собой наименования персонажей, по функции и способностям схожих с героями и богами мифов, топонимами несуществующих мест, символами, конкретизирующими абстрактные понятия.

Литература

1. Алексеенко, М.А. Словарь отфразеологической лексики современного русского языка / М.А. Алексеенко, Т.П. Белоусова, О.И. Литвинникова. – М.: Азбуковник, 2003. – 395 с.
2. Мелерович, А.М. Семантическая структура фразеологических единиц современно-го русского языка / А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2008. – 484 с.
3. Минаков, А.В. Некоторые психологические свойства и особенности Интернет как нового слоя реальности / А.В. Минаков // Электрон. текстовые данные. Режим доступа: <http://flogiston.ru/articles/netpsy/minakov>.
4. Радченко, Е.В. Динамичность и диалектичность предметных и процессуальных фразеологизмов / Е.В. Радченко // Филологические науки. – 2006. – №1. – С. 98-107.
5. Сидорова, М.Ю. Интернет-лингвистика: русский язык. Межличностное общение / М.Ю. Сидорова. – М.: Изд-во «1989.ру», 2006. – 191 с.
6. **Summary.** In article the tendency to creation of myths in network the Internet is considered. The author analyzes the phraseological units arisen within the limits of this tendency and caused by symbolical thinking; considers mechanisms of creation of new units in Internet language.